УДК 32.001

Н. А. Баранов

Публичность в контексте российской политики

Публичность является важнейшей характеристикой современной политики. Сущность публичной политики заключается в отражении интересов общества через диалог с властью посредством налаженного коммуникационного процесса, в котором принимают участие, с одной стороны, государство, с другой – институционализированное гражданское общество. Российская политика имеет свои особенности, которые решающим образом влияют на состояние публичности, зависящее, главным образом, от активности общества и отзывчивости государства.

Ключевые слова: политика, публичная политика, публичность, государство, гражданское общество

Nikolay A. Baranov

Publicity in a context of the Russian policy

Publicity is the major characteristic of a modern policy. The essence of a public policy consists in reflexion of interests of a society through dialogue with the power by means of the adjusted communication process in which take part, on the one hand, the state, with another – a civil society. The Russian policy has the features which influence in the solving image the condition of publicity depending, mainly, from activity of a society and responsiveness of the state.

Keywords: a policy, the public policy, publicity, the state, a civil society

Значительное место в исследованиях российских ученых занимает публичная сфера, где формируется общественное мнение, происходит обсуждение социально-политических проблем, реализация общественных интересов, осуществляется влияние различных организаций, представляющих частные интересы, на государственную политику[1]. В публичной сфере происходит взаимодействие общественных интересов граждан и публичной политики государства, которое зависит от готовности населения к формированию структур гражданского общества. От активности различных организаций, союзов, движений зависит их степень влияния на государственные органы в целях реализации общественных интересов. В то же время необходимо учитывать, что для России характерна традиция сильного государства, которому, полагает В. Путин, адресованы основные общественные запросы: обеспечение гарантии гражданских прав и справедливости, снижение уровня насилия и социального неравенства, наведение порядка в ЖКХ[2].

В России, где все сферы жизнедеятельности общества всегда были предельно политизированы, роль политики является исключительно высокой. Однако до конца 1980-х гг. политика не была доступна обычным гражданам и являлась уделом избранных. И лишь когда перестройка перешла в политическую сферу, политика вышла из тиши кабинетов на улицы и площади, достигла экранов телевизоров и радиоэфира, журнальных и газетных полос. О политике в тот период говорили все – на работе и дома, с друзьями и близкими – это был период всеобщего политизированного бума после десятилетий принудительного молчания.

После появления полноценного объекта возникла возможность профессионального изучения политики как социального явления, основанного на авторитете правителей и гражданской солидарности. Политика стала, по выражению А. Соловьева, «символом возможности осуществления общественной власти без насилия»[3], т. е. власти, основанной на авторитетном принуждении, взаимном согласии государственных институтов и гражданского общества, на консенсусе, формирующемся в результате борьбы различных групп интересов.

Характерной особенностью России является всепроникающая способность политики, которая пронизывает все сферы жизни общества. Ни один вопрос экономического, социального, духовного развития не решается без вмешательства властных структур. Так, успех в бизнесе всегда связан с политической и государственной сферой, и любая политическая ошибка может дорого обойтись бизнесмену, о чем свидетельствует опыт Березовского, Гусинского, Ходорковского, Чичваркина и других предпринимателей. И, напротив, понимание того, чего хочет от предпринимателя государство, помогает оставаться на плаву Абрамовичу, Потанину, Миллеру, Усманову и другим бизнесменам.

Постсоветская Россия столкнулась с проблемами, типичными для переходного этапа развития общества. Высокая дифференциация общества привела к появлению маргинальных, необеспеченных слоев, которые стали источником политизации социальных конфликтов. Неудовлетворенность социальным положением вызвала отрицательную оценку проводимой политики со стороны многочисленных групп общества, оказавшихся за пределами приоритетного распределения ресурсов, не способных адаптироваться к рыночной экономике и самостоятельному решению социальных и экономических проблем. Поэтому первое десятилетие в постсоциалистической России проходило под знаком разочарования в новой политике, получившей название либерально-демократической.

В 1990-х гг. и отечественными, и зарубежными политологами признавался переходный характер российской политики: от советской системы – к демократии, от плановой экономики – к рыночной, от социализма – к капитализму. Это было вполне оправданным, так как ликвидация коммунистической системы в России, как и в других странах, происходила под лозунгами демократии и свободного рынка.

В 2000-е гг. политика стала, с одной стороны, более социальной, с другой – менее демократичной, причем потребность в «закручивании гаек» исходит от самого общества. Так по мере усложнения проблем, с которыми сталкивается население, происходит рост общественного напряжения, возникает чувство социальной незащищенности, что влечет за собой ужесточение государственного контроля за экономической и политической жизнью. По результатам социологического опроса, проведенного Левада-центром, 63 % россиян видят решение своих проблем в жестком контроле, а не в предоставлении людям свободы и ограничении государства функцией контроля[4]. За период с 1999 по 2010 г. не изменилось количество граждан (52 %), которые считают, что государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем своим гражданам, что свидетельствует о патерналистских настроениях российского общества. Л. Сморгунов таким образом характеризует изменения в постсоветской российской политике: «Концепция минимального государства (свобода, противопоставленная государству) была заменена рыночным государством (свобода выбора и обмена, регулируемая государством), а в конце появилась концепция интервенционистского государства, государства безопасности (свобода, обеспеченная государством)»[5].

В итоге после двух десятилетий переходной политики стало ясно, что не в переходе дело – страны Центральной и Восточной Европы за это время уже построили демократию. В России же политика далека от транспарентности, от единых правил игры, на которых основана демократия, она по-прежнему закрыта, инициируется только сверху и непредсказуема. Как пишет Д. Фурман, в России власть побеждает всегда, а правила игры могут меняться по желанию этого постоянного победителя[6].

Отличительной особенностью российской политики является ее неинституционализированный характер. Как отмечает В. Никонов, в России никогда не было сакральных политических традиций, и очень многое зависело и продолжает зависеть от отдельных лиц – царя, генсека, президента[7]. Персонификация власти продолжает оставаться ведущей парадигмой политологического дискурса, негативно влияющей на становление публичной политики. В действительности никакие профессиональные политики не смогут решить общественных проблем без поддержки значительной части общества.

Некоторые российские исследователи отмечают проблему нравственной политики, опирающейся на моральные ценности российского общества. Такая политика возможна лишь в том случае, когда в ее основе лежат не интересы государства и правящей элиты, а интересы большинства российских граждан, что и делает политику моральной и эффективной. Нравственная политика требует осознанной борьбы людей за свои права – не разрушительной, революционной, а конструктивной, эволюционной. В данном контексте В. Пантин отмечает традиционную для России «неспособность людей к организации и к объединению для защиты своих самых элементарных прав»[8]. Как правило, в истории России объединение людей происходило сверху, но уже не для достижения интересов граждан, а для защиты интересов государства и бюрократии.

В основе современной российской политики, по-прежнему, лежит активный политический стиль, состоящий в навязывании обществу нововведений со стороны президента и правительства. Активная роль государства как в формировании проблем, так и в интеграции интересов различных групп вызвана культурно-религиозной, этнической и политической неоднородностью общества. Эту интеграцию различных субкультур участников политического процесса государство проводит методом централизации, включающим навязывание определенных ценностей и стандартов политической деятельности. Тем самым властные структуры делают поведение субъектов политики лояльным.

Во взаимодействии «власть–общество» политическая инициатива в России почти всегда принадлежит государству, поскольку оно концентрирует власть и ресурсы в своих руках (исключение из данного правила было лишь в декабре 2011 – марте 2012 г., что очень обеспокоило власть). Однако отсутствие дифференциации политических ролей и функций институтов государственной власти приводило к тому, что процесс принятия решений был анонимным. Принцип «коллективной ответственности» порождал традицию безответственности политической власти за последствия принимаемых решений. Несмотря на предпринимаемые усилия в данном направлении, до сих пор в российской политике трудно найти ответственного за непродуманный закон или ошибочно принятое решение, что является способом выведения из зоны критики первых лиц государства – руководителей законодательной и исполнительной власти.

Опасным для российской политики является стремление решать сложные вопросы простыми, радикальными средствами. Эта традиция, ведущая свое начало от опричников Ивана Грозного, получила свое наиболее полное извращенное воплощение в сталинское время и продолжает оставаться востребованной в виде экстремистских призывов радикальных политических лидеров в современной России. Массовые выступления националистического характера в Москве, Санкт-Петербурге и других городах страны в конце 2010 и в 2012 гг. являются наглядным тому подтверждением.

Важной особенностью современной российской политики является высокая степень ее централизации. Эта особенность вырастает из отмеченной нами исторической тенденции к централизации страны, а также политической практики КПСС. В настоящее время централизацию политики, когда наиболее важные (а подчас и не самые важные) проблемы решает исключительно центр, опять объясняют большими размерами страны, необходимостью сконцентрировать ресурсы на наиболее важных направлениях, появляющимися возможностями для перспективного планирования. Все это верно, но следует учитывать и современные тенденции в политике развитых стран, концепцию субсидиарности, согласно которой наиболее эффективно выполняются решения, принятые на том уровне власти, который ближе всего к решаемым проблемам и который будет нести ответственность за их выполнение.

Другой особенностью, связанной с высоким централизмом российской политики является слабая реакция гражданского общества на отмеченный выше активный политический стиль, который, казалось бы, парадоксально рождает пассивность гражданского общества. Активность гражданского общества невозможно поднимать исключительно усилиями сверху, создавая различные советы, комитеты, коллегии, не имеющие решающего значения в политической жизни. Государство может поднимать активность гражданского общества, расширяя поле свободы, снимая запреты на деятельность партий, социальных движений, общественных организаций. Поэтому либерализация законодательства в отношении образования политических партий, устанавливающая требования к численности в количестве пятисот человек, способствует повышению публичности в российской политике. Однако граждане будут более активны, когда на практике убедятся, что их активность что-то значит, что, выдвигая существенные вопросы, затрагивающие их интересы, они способствуют их решению.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг., продемонстрировавший сырьевой характер российской экономики и ее зависимость от мировых цен на энергоносители, заставил политическое руководство страны обратиться к политике модернизации как в экономической, так и в политической сферах. Массовая потребность в повышении уровня жизни населения исторически всегда сопровождалась расширением прав и свобод граждан, демократизацией политических институтов. Поэтому экономическая модернизация не может быть эффективной без соответствующего политического сопровождения.

Однако политическая модернизация сталкивается с тенденцией «захвата политического государством в условиях небезопасного мира», которая, по мнению Л. Сморгунова, может быть оправдана тактически, но несет в себе угрозу «производства опасности», выгодной недобродетельным политикам[9]. Действительно, прикрываясь реальными и мнимыми опасностями, можно создать иллюзию необходимости всевластия государства, сужения сферы политики за счет вытеснения оппозиции и критически настроенных граждан на обочину политической жизни.

Политика модернизации в значительной степени ориентирована на совершенствование политической системы, эффективное государственное управление, повышение роли гражданского общества. Эта политика наталкивается на противоборство бюрократического аппарата, политическую инфантильность общества, патернализм значительной части населения. Тем не менее модернизация способствует расширению

экономических и политических прав и свобод, и этот процесс является самоподдерживающимся. По мнению В. Иноземцева, модернизация не продуцирует демократию, но создает для нее все необходимые предпосылки[10]. С достаточно высокой степенью вероятности можно констатировать, что успехи в модернизации неизбежно станут основой для демократизации, а неудача – предпосылкой провала демократических проектов.

Демократия расширяет пространство для публичной политики. Более широкие слои общества получают возможность доводить до сведения власти свои интересы, требования, суждения. Задача государственных структур – обеспечить такую возможность для всех граждан, создавая открытое коммуникационное пространство. Недаром в своем президентском послании В. Путин акцентирует внимание на развитии прямой демократии, непосредственного народовластия, в том числе на праве народной законодательной инициативы, «когда идея, получившая гражданскую поддержку, в том числе в Интернете, обязательна к рассмотрению в парламенте»[11].

Такое предложение российского лидера стало следствием протестных акций конца 2011–2012 гг., которые продемонстрировали гражданский потенциал российского общества, выдвинувшего из своей среды неполитических лидеров. В российской публичной политике появились гражданские активисты, журналисты, представители творческих профессий – поэты, писатели, музыканты, открыто заявившие о своей активной жизненной позиции и требованиях к политической власти. В докладе аналитического центра Юрия Левады отмечается, что причиной протеста стали рост беспокойства и чувство незащищенности, неопределенности в отношении собственного будущего у широких слоев населения как относительно бедных, так и находившихся в привилегированном положении обеспеченных слоев[12]. Недовольство произволом властей и силовых структур, невозможность защитить свои права в суде, повлиять на положение дел в стране стали объединяющим фактором для значительной части общества, проявившего свою гражданскую активность. Таким образом, в современной российской политике громко заявило о себе в качестве субъекта гражданское общество, в наличии которого сомневались многие исследователи.

Как отмечает М. Горшков, на формирование и укрепление позиций гражданского общества влияет специфика российского контекста, заключающаяся в непродуктивных попытках развития гражданского общества сверху за счет властных усилий; практическом отсутствии независимых и неподконтрольных властному официозу средств массовой информации, формирующих общественное мнение; неразвитости практик свободных политических выборов; отсутствии потребности в политических правах и свободах, находящихся на периферии массового сознания и общественных практик; размывании нормативно-ценностного комплекса социального доверия, а также попытках неосмысленного внедрения и развития в стране западных моделей гражданского общества, которые, будучи не адаптированы к российской специфике, неизбежно вступают в противоречие с многовековыми традициями русского народа, базировавшегося на принципах общинности и коллективизма[13].

Мнением пробуждающегося гражданского общества теперь невозможно пренебречь, в связи с чем при массовом несогласии власть вынуждена корректировать правила игры. Российское общество становится другим: с одной стороны, оно познало вкус свободы и стало более раскрепощенным, с другой – в нем сохраняются патерналистские ожидания, которые коррелируют с практиками социальной и экономической повседневности, определяемыми, в основном, государством.

Особенностью российской политики в конце 2012 г. стало ужесточение законодательства в отношении политических свобод (в области СМИ, регулирования Интернета, деятельности НКО, проведения митингов, действий добровольцев и независимых наблюдателей, законы о клевете, оскорблении чувств верующих и т. д.). Государство публично взяло ориентир на выражение интересов большинства и при необходимости инициирует массовые акции в свою поддержку, сопоставимые по масштабу с протестными. Однако такая односторонняя позиция не способна стратегически решить массовые проблемы и приводит к дальнейшей консервации политики, неизбежным результатом которой будут новые проявления общественного недовольства. От возможного негативного поворота событий российскую власть предостерегает Е. Примаков, призывающий во избежание дестабилизации «значительно больше, чем раньше учитывать общественное мнение при принятии решений. Речь идет о недопустимом игнорировании мнения не только широких слоев общества, но и меньшинства, нередко объединенного креативными идеями»[14]. Патриарх российской политики призывает власти к публичности – не избирательной, а реальной, без которой политическая система не может быть стабильной.

В свое время Томас Манн приравнивал демократию к политике, определяя ее «как политический аспект духовного, как готовность духа к политике»[15]. Правда он идентифицировал демократию, а следовательно политику, с принципами западной цивилизации и ее морали, что создает проблемы в таком сочетании для современной России ввиду их неидентичности основам и принципам нашей цивилизации, однако следует согласиться с тем, что отсутствие свободного политического пространства закрывает двери для публичности, без чего политика не представляется возможной.

Политика возникает там, где люди недовольны распределением прав и где существуют процедуры для урегулирования разногласий[16], поэтому российская политика имеет право на существование лишь в условиях требовательного общества и ответственной власти. По данным Фонда общественного мнения, лишь 30 % российских граждан интересуются политикой[17]. Перефразируя известное высказывание французского писателя XIX в. Шарля Манталамбера, мы полагаем – политикой можно не заниматься, но в этом случае велика вероятность, что она займется вами. В последнем случае результат предсказуем и не оставляет человеку шансов на развитие.

Примечания

[1] См., в частности, другие публикации автора настоящей статьи на его персональном сайте (Персональный сайт Николая Баранова. URL: http: // nicbar.ru (дата обращения: 18. 06. 2013)).

[2] Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http: // kremlin.ru (дата обращения: 26. 06. 2013).

[3] Соловьев А. И. Политика // Политология: лексикон / под ред. А. И. Соловьева. М., 2007. С. 308.

[4] Сергеева Л. Патерналистские настроения россиян: пресс-выпуск 2011. 18 янв. // Левада-центр: аналит. центр Ю. Левады: сайт. URL: http:// levada.ru (дата обращения: 12.08.2013).

[5] Сморгунов Л. В. Философия и политика: очерки соврем. полит. философии и рос. ситуация. М., 2007. С. 16.

[6] Фурман Д. Движение по спирали: полит. система России в ряду других систем. М., 2010. С. 11.

[7] Политические процессы в современной России: курс лекций / под ред. В. А. Никонова. М., 2007. С. 3.

[8] Пантин В. И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI в.: осн. вызовы и возмож. ответы. Дубна, 2009. С. 311.

[9] Сморгунов Л. В. Указ. соч. С. 28.

[10] Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI в. / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2010. С. 8.

[11] Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.

[12] Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. М., 2012. С. 5 // Левада-центр: аналит. центр Ю. Левады: сайт. URL: http:// levada.ru (дата обращения: 12.08.2013).

[13] Горшков М. К. Российское общество как оно есть: опыт социол. диагностики. М., 2011. С. 254–255.

[14] Евгений Примаков о внутренней и внешней политике. URL: http: // trueinform.ru (дата обращения: 26. 06. 2013).

[15] Цит. по: Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М., 2006. С. 7.

[16] Политика: толков. слов.: рус.-англ. М., 2001. С. 454.

[17] Политическое устройство России: опрос «ФОМнибус» 9–10 апр. 2011. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов. 2011, 19 дек. // База данных Фонда общественного мнения (ФОМ). URL: http: // bd. fom.ru (дата обращения: 20.06.2013).